

же князю в Псковской земли, ту, в велице Пскове, родися ему сынъ, съй преславный Михаил, о немже и слово грядет».³³ Снова составитель напоминает, чтобы читатель за распространенным описанием событий Щелкановщины не потерял из виду основной темы повествования, и тем самым подтверждает нам снова, что и здесь продолжается текст «Повести о Михаиле».

«Озбяз же... лестию призва к себе Александра, и уби его... Благодарному же сынови его Михаилу детьску сушу оставшюся...».³⁴ Сравним вновь с Никоновской. Там и тут налицо разные редакции «Повести о Михаиле», их авторы проводят разные идеи в своих произведениях, поэтому в Тверском сборнике распространено изложение Щелкановщины, а в Никоновской дается пространное описание поведения Александра непосредственно перед убийством его в Орде. Но и тут все подводится к тому, что «посла царь во Тферь, призва Александра к себе, и убиен бысть во Орде и с сыном своим Феодором. Другому же сыну его, князю Михаилу, младу зело, 9 лет сушу...».³⁵

Один и тот же круг фактов времени княжения Александра Михайловича понадобился обоим составителям для того, чтобы рассказать о рождении Михаила, о его отце, о том, почему Михаил, будучи наследником великого князя Тверского и Владимирского, властителя над всей Русью, оказался с самого рождения изгнанником, о том, как он рано осиротел, и в конечном счете вызвать сочувствие читателя к герою написанных ими биографий.

Итак, мы убедились в том, что изложение событий детства Михаила было принято за летопись княжения Александра, что в тексте Тверского сборника налицо «Повесть о Михаиле», а не летопись, начинающаяся со времени Александра, и не летопись времени Михаила. Здесь, напротив, в части описания Щелкановщины была переработана для нужд составления «Повести» какая-то тверская летопись, существовавшая еще до появления свода Бориса Александровича.

Мы разобрали единственное место спорного текста Тверского сборника, которое явно восходит к летописному источнику и потому может быть принято за летопись. Дальнейший текст, вплоть до слов о Семене Дмитриевиче Суздальском, тем более не подходит под такое определение. Далее в Тверском сборнике, опять-таки как и в Никоновской, говорится об отдаче Михаила в учение, о том, каким добродетельным он был еще в детстве. Затем в «Повести» Никоновской летописи рассказ переходит сразу в хвалебную характеристику правления и поведения Михаила, «егда же сяде на отчине и на дедине своей».³⁶ Ту же характеристику, со значительными фразеологическими, иногда буквальными совпадениями, встречаем и в конце рассматриваемого текста Тверского сборника.³⁷ Между нею и рассказом о добродетельной юности Михаила в Тверском сборнике идут два эпизода, которых нет ни в Никоновской, ни в других вариантах «Повести о Михаиле», но относительно их принадлежности не к летописи, а к «Повести о житии Михаила» не может быть сомнений. Где как не в житии Михаила следовало рассказать подробно о его женитьбе? И в полном соответствии с тенденцией трогательного приукрашивания образа Михаила в «Повести» Тверского сборника находится второй эпизод, рассказывающий о том, как сирота-изгнанник, возмужав, вопреки

³³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466—467.

³⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469—470.